

ПРИБАВЛЕНИЯ КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТИМЪ.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.)

МАРТА 1. №. 5. 1880 ГОДА.

19-е ФЕВРАЛЯ 1880 ГОДА ВЪ ВОЛОГДѢ.

Этотъ вѣчно-незабвенный въ отечественной нашей исторіи день въ настоящемъ году праздновался въ Вологдѣ, какъ и во всей Имперіи съ особеною, можно сказать, съ тройною торжественностью, какъ и следовало по его тройкому въ нынѣшнемъ году значенію: потому что нынѣ онъ праздновался во 1-хъ какъ день восшествія на престолъ нынѣшняго Государя, во 2-хъ какъ день годовщины освобожденія 20-ти миллионовъ людей отъ крѣпостной зависимости и наконецъ въ 3-хъ какъ 25-ти лѣтній юбилей настоящаго славнаго царствованія, во время которого тезерешая Россия, по выражению одного публициста, переросла цѣлой головой Россію первой половины девятнадцатаго столѣтія.

За пѣсколько дній до 19-го Февраля уже начались въ Вологдѣ приготовленія къ нему. По всѣмъ главнѣйшимъ городскимъ улицамъ, особенно центральнымъ, въ торговыхъ рядахъ, въ зданіяхъ присутственныхъ мѣстъ и разныхъ общественныхъ учрежденій и во многихъ частныхъ домахъ дѣлались разныя приспособленія къ великолѣпной иллюминації, которая предполагалась и была по три дня. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ заблаговременно сдѣланы были отъ ихъ начальствъ особыя распоряженія относительно юбилейнаго празднованія. На канунѣ 19-го февраля во всѣхъ городскихъ церквяхъ отправлено было праздничное всенощное бдѣніе, во

премъ котораго колокольни Софійскаго собора и колокольни многихъ городскихъ церквей были иллюминованы, что бывало только въ экстреннопорожественныхъ случаяхъ.

Въ самый день торжества божественную литургию Его Преосвященство совершалъ не въ кафедральномъ соборѣ, а въ Спасобыденной всеградской церкви, какъ вмѣстительнойшей всѣхъ городскихъ церквей, въ сослуженіи особо назначенаго духовенства. За богослуженіемъ присутствовали вѣдь городская, гражданскія и воинскія власти и такое множество другихъ богомольцевъ всѣхъ сословій и возрастовъ, что значительная часть ихъ, за пепомѣщениемъ въ церкви, оставалась при входѣ въ храмъ и въ прилежащей къ нему часовнѣ. На литургії, вмѣсто причастнаго стиха, произнесено было краснорѣчивое слово ректоромъ семинаріи протоіереемъ П. Л. Лосевымъ. Послѣ литургії отправленъ быль Его Преосвященствомъ, въ со участіи всего городскаго духовенства, благодарственный съ кольцопреклощеніемъ молебень, въ заключеніе котораго провозглашены были многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому. Одновременно съ богослуженіемъ во всеградскомъ храмѣ, во всѣхъ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ для собравшагося юношества совершены были благодарственные молитвословія, въ присутствіи учебнаго начальства и преподавателей.

По окончаніи богослуженія въ Спасобыденной церкви, Его Преосвященство отправился въ зданіе Городской Думы, гдѣ, по желанію гражданъ, совершено было особое благодарственное Господу Богу о здравіи Государя молебствіе, предъ началомъ котораго произнесена глубоко прочувствованная рѣчь священникомъ всеградской церкви о. И. А. Лебедевымъ. По окончаніи молебствія, въ залѣ же Городской Думы былъ сервируванъ завтракъ, сопровождавшійся заздравными тостами за благоеніе Августѣйшаго Виновника торжества: когда городской голова провозгласилъ тостъ за здравіе Государя, то всѣ залы и комнаты Думы огласило восторженное „ура“, которому вторили такие же клики съ городской площади. Во

время этого завтрака, въ нижнемъ этажѣ зданіи Думы, въ помѣщении приходскаго училища, были обѣднины столы для бѣдныхъ и неимущихъ: за этими столами мѣстная братія городскаго населенія изъ менѣе радостно привѣтствовала доро-гой юбилейный день Монарха, все царствованіе котораго оз-наменоано широкимъ развитіемъ какъ правительственної, такъ и частной, благотворительности: по собрашимъ сиѣдѣ-ніямъ, оказывается, что бѣдняковъ, обѣдавшихъ въ это время за общественными столами, было около 500 человѣкъ. Въ это же время на площади передъ зданіемъ городскихъ присут-ственныхъ мѣстъ была устроена завтракъ сть цирюлями и вод-кой для нижнихъ чиновъ мѣстныхъ войскъ.

Въ часъ по полудни Его Преосвященство изъ Думы прибылъ въ духовную семинарію, въ которой къ тому време-ни собраны были въ актовой залѣ всѣ служащи и воспитанни-ки заведенія. Здѣсь, по прибытіи Архипастыря и по залютіи всѣми мѣстъ, сперва произвѣта была слѣдующая „Молитва“ (напечат. въ 49 № Церк. Вѣсти. 1879 г.):

„Боже, храни памъ Царя!
Нусть Онъ, какъ солнце разсѣявши тучи,
Царствовать будеть державный, могучій,
Къ родинѣ нашей любовью горя!
Молимся мы предъ лицомъ алтаря:

Боже, спаси памъ Царя!

Боже всесильный, великий и правый!
Родъ безсердечный, тупой и лукавый,
Дѣло свершить замышляющій злое;
Ты порази Своей сильной рукою!
Молимся мы предъ лицомъ алтаря:

Боже храни памъ Царя!

Боже, помощникъ, защитникъ, спаситель!
Молимъ Тебя мы, да Царь—свободитель,
Царствуетъ долгіе—долгіе годы

Къ счастью и благу родного народа!

Молимся мы предъ лицомъ алтаря:

Боже, храни намъ Царя!

По пропѣтіи этой молитвы, (*) прочитана была рѣчъ о значеніи важнѣйшихъ реформъ нынѣшняго царствованія, составленная преподавателемъ гражд. исторіи въ семин. Н. С. Чтеніе этой рѣчи, за болѣзнью автора, исполнено было однимъ изъ воспитанниковъ VI класса семинаріи. Послѣ этой рѣчи пропѣть былъ концертъ Бортнянского: „*Господи силою Твою возвеселится Царь*“... За тѣмъ преподавателемъ семин. Г. Можаровымъ произнесена рѣчъ „о нравственномъ величіи дѣяній и личнаго характера Императора Александра II. „Послѣ этой рѣчи пропѣть канть: „*Благословляй великую Россію*“... Всѣдѣ за симъ однимъ изъ воспитанниковъ 1-го класса про декламировано было патріотическое стихотвореніе на 19 февраля 1880 года. Въ заключеніе засѣданія съ особеннымъ одушевленіемъ пропѣты были: „*Славься, славься, нашъ рускій Царь*“ и пародный гимнъ „*Боже Царя храни*“.

Вечеромъ юбилейнаго дня съ 7 часовъ огромпна массы народа уже стали сосредоточиваться па одной изъ центральныхъ улицъ—Кирилловской, которой праздничное убранство, по изобилію флаговъ, щитовъ, изяществу искусственныхъ букетовъ и проч. далеко превосходило прочіе пункты города. Всі эта улица до глубокой ночи такъ была наполнена пародомъ, что густыя толпы его совершенно сдавливали одна другую, и не только свободно пройти, но даже спокойно простоять на ней хотя пѣсколько минутъ—не было никакой возможности; вся эта живая сплошная масса двигалась и волновалась съ неумолкаемымъ крикомъ „ура“, при громѣ военной музыки, которая во весь вечеръ не переставая играла въ двухъ пунктахъ—передъ зданіемъ Городскихъ Присутственныхъ мѣстъ и на Кирилловской улицѣ. Кромѣ Кирилловской, и другія улицы города и зданія па нихъ были мѣ-

(*) Музика молитви—сочиненіе о. ректора семинаріи П. Л. Лосева.

стами также не малѣе роскоши иллюминации, причемъ въ особенности выдавались—здание Городскихъ Присутственныхъ мѣстъ, вокзалъ желѣзной дороги, зданіе телеграфа, губернскія присутственныя мѣста, учебный заведенія, дома частныхъ лицъ, аптеки съ бенгальскими огнями и блескомъ магнія; все это въ тотъ вечеръ, казалось силилось перещеголять другъ друга въ роскоши и сияніи свѣта; живость картины дополняли шумы толпы народа, съ пѣснями ходившія по улицамъ.

Это общенародное торжество не ограничилось въ Вологдѣ однимъ днемъ: городъ былъ иллюминированъ на другой, а пѣкоторыя его части и на третій день празднества. Съ уверенностью можно сказать, что память объ этомъ патріотическомъ торжествѣ на долго сохраниится между вологжанами.—

РѢЧЬ

предъ благодарственнымъ Господу Богу молебствіемъ, совершеннымъ Его Преосвященствомъ въ зданіи Вологодской градской Думы 19 Февраля, 1880 года.

Благочестивые сограждане!

Настоящій день—есть день особенно знаменательный для царства и народа Русскаго. На всемъ обширномъ пространствѣ многомилліоннаго отечества нашего молитвенно празднуется нынѣ всенародное и всесословное торжество двадцатипятилѣтія благословеннаго царствованія Благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Александра Николаевича. Торжественное-радостное значеніе настоящаго дня еще болѣе возникаетъ и усугубляется въ сердцѣ каждого истиннаго сына Царскии и отечества сознаніемъ того, что во всей Российской имперіи различные сословія, общества и учрежденія не словомъ только, но и дѣломъувѣковѣчиваютъ свое благодарное воспо-

минаніе двадцати пяти лѣтія неусыпныхъ царственныхъ пред-
начертаній, трудовъ и подвиговъ для блага и преуспѣія
Россіи. Вполнѣ благоременно и глубоко утѣшительно то яв-
леніе, что во всѣхъ приготовленіяхъ къ достойному праздни-
ванію настоящаго днія едва ли не вездѣ одно изъ самыхъ вид-
ныхъ мѣстъ занимала наука, школа и благотворительность.
Не отстали и вы, благочестивые сограждане, отъ прочихъ
градовъ и вesseй земли Русской въ искреннемъ и дѣйствен-
номъ выраженіи своей преданности и любви къ любимому
Государю. Да благословить и возрастить Господь всѣ эти
сердечныя обнаруженія всенародной любви къ любвеобиль-
ному Монарху!

Было бы излишнимъ не только подробно излагать, но
даже и перечислять благотворныя преобразованія и учрежде-
нія настоящаго царствования. Всѣ онѣ достаточно известны
каждому изъ насъ: основныя и важнѣйшія изъ нихъ уже при-
несли и приносятъ добрые плоды для народной и обществен-
ной жизни, по всѣ онѣ могутъ быть вполнѣ и по достоин-
ству оцѣнены только будущею исторіею нашего отечества.
Прощедшее христіанскихъ царствъ и народовъ почти не
представляется примѣровъ такого самоограниченія верховной,
самодержавной власти, такого снисхожденія любви, для того,
чтобы живѣе и сильнѣе возбудить общественное и народное
самосознаніе, какое мы во-очію видѣли въ послѣднее двадцати-
лѣтіе, начиная съ дарованія свободы и правъ личности мил-
лионамъ русского народа и оканчивая великимъ дѣломъ борь-
бы за освобожденіе отъ многоеъковаго и тяжелаго ига единоп-
леменныхъ и единовѣрныхъ братій нашихъ на востокѣ.

По предоставивъ говорить о славныхъ дѣяніяхъ настоя-
щаго царствования исторіи, перенесемся мыслю и сердцемъ
къ событиямъ, пами нынѣ переживаемымъ. Безъ сомнѣнія, въ
дунѣ каждого изъ насъ—каждаго истинного сына церкви и
отечества и искренно любящаго своего Отца—Государя—въ
настоящія торжественные минуты тѣснится много разнаго ро-
да ощущеній, при свѣжихъ еще воспоминаніяхъ прошедшаго

и неизвѣстности сокровеннаго отъ насть будущаго. Не прошло еще и десяти дней послѣ того, какъ благочестивые и царемилитивые жители града нашего, во главѣ съ своимъ Архиепископомъ, благодарно молились въ знаменательномъ днѣ Вологды храмѣ Всемилостиваго Спаса къ Всещедрому Подателю благъ о дивномъ сохраненіи жизни любимаго и благословленнаго Монарха и Его Августѣйшаго семейства, которой уже въ пятый разъ угрожала опасность отъ руки кощурнаго злодѣя. Послѣднее злодѣяніе, которымъ приведены были въ ужасъ и содроганіе не только разноплеменное царство Русское, но и весь просвѣщенный міръ, не находить словъ для своего выраженія въ языке человѣческомъ. Если бы эти злоречивы злодѣи не были осѣплены своимъ всеразрушающимъ фатализмомъ, то они увидѣли бы въ неудачѣ своихъ, самимъ хитрымъ образомъ задумываемыхъ покушений, доказательство, что Прорицаніе явно отвращаетъ ихъ удары отъ тѣхъ, кому они предназначаются. Кто бы и гдѣ бы ни были эти злодѣи, если даже, къ крайнему прискорбию всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи, они и „отъ насть изыдона“, то скажемъ въ утѣшеніе себѣ, что они „не быва отъ насть“. Это не дѣти, а изверги Русской земли... Неусмѧко бодрствуя на стражѣ Царскаго престола и гражданскаго порядка, будемъ надѣяться, что дивные пути Промысла, явно съ охраняющаго жизнъ Иомазапника Божія, подѣствуютъ, наконецъ, благотворнымъ образомъ и на ту шайку крамольниковъ, своими дѣйствіями давно уже выдѣлившую себя изъ человѣческаго общества. Невозможное отъ человѣка, возможно отъ Бога.

Сограждане! При многочисленныхъ и разнообразныхъ средствахъ и условіяхъ къ свободному развитію государственныхъ и народныхъ силъ нашего дорогаго отечества, какія дарованы намъ съ высоты Престола въ минувшее двадцатипятилѣтіе царствованія Благочестивѣйшаго Государя нашего, на каждомъ изъ насъ лежитъ священная обязанность вносить посильную долю христіанскаго труда на пользу общую. Мночомиліонная семья народа Русскаго, съ полученіемъ

правъ личной свободы, возымѣла большую, сравнительно съ прежнимъ, нужду въ умственномъ и нравственномъ развитіи. Но это развитіе и образованіе народа, для достиженія кото-раго, по желанію и внушенію Державной Власти, принимаютъ дѣятельныя мѣры и правительство, и общество и частные лица въ устроеніи и обезспеченіи народныхъ школъ, въ распространеніи тѣмъ или другимъ путемъ полезныхъ знаній и т. п. тогда только будетъ вполнѣ плодотворно, когда будетъ опираться на сознательномъ усвоеніи св. истинъ православной вѣры и нравственности. Всѣ возможныя средства развитія на-родного и государственного благосостоянія, всѣ разнообраз-ныя способы науки и знанія, имѣющія цѣллю благоустроеніе и удобства жизни частной и общественной, могутъ достичь-нуть своихъ благотворныхъ результатовъ только тогда, когда умы и сердца общественныхъ дѣятелей и всѣхъ сыновъ оте-чества будутъ проникнуты любовью къ труду, одушевлены крѣпкою вѣрою въ помощь Божію и несомнѣнною надеждою на Прорицаніе, охраняющее царства и народы и ведущее ихъ къ послѣдней цѣли ихъ земнаго бытія путями, Ему одному извѣстными. Вѣри, что Вышай владѣеть царствами человѣ-ческими и что сердце Царево въ руцѣ Божій, будемъ твердо помнить, что основа русской народности есть Православіе и что по этому всѣ самыя мудрыя и благодѣтельныя преобра-зованія и улучшенія общественной и государственной жизни нашей тогда только будутъ прочно и жизненно прививаться къ народному сознанію, когда осуществленіе и развитіе ихъ какъ началось, такъ и продолжаться будетъ въ духѣ Христо-вой вѣры, въ союзѣ, любви и послушаніи церкви православ-ной. Припомнимъ державное слово, обращенное къ намъ 25 л. тому назадъ Благочестивѣннѣмъ Государемъ царимъ, при возвышенніи Его на Всероссийскій Императорскій престолъ, Послѣ всѣхъ разнообразнѣйшихъ благожеланій отечеству, Онъ присовокупляетъ: „накопецъ, и сіе есть первое живѣйшее Наше желаніе, свѣтъ спасительной вѣры, озаряя умы, укрѣп-ляя сердца, да сохраняетъ и улучшаетъ болѣе и болѣе обще-

ственную нравственность, сей върхній замогъ порядка и счастія.“

Спасовсеградской церкви свяц. Г. Лебодовъ.

Рѣчъ

въ день празднованія двадцатипятилѣтній годовщины царствованія Государя Императора Александра Николаевича, Самодержца Всероссійскаго, 19-го Февраля 1880 года (*).

Одного изъ великихъ древнихъ римлянъ (**) когда-то въ дѣтствѣ спросили—кого онъ любить? Онъ отвѣчалъ, „брата“. А еще кого? спросили его, онъ опять отвѣчалъ „брата“, а кроме его? „брата“ снова сказаль онъ. Если бы теперь спросили настъ, кого мы находимъ изъ великихъ дѣятелей всемірной исторіи наиболѣе достойнымъ имени „Великаго“, то мы не обинуясь назвали бы нашего Августѣйшаго Государя Императора Александра II; и если бы настъ спросили снова, мы слова произнесли бы тоже имя, и, сколько бы настъ ни спрашивали, мы все повторяли бы одинъ отвѣтъ, Да! нынѣшній Царь Россіи есть поистинѣ великое историческое лицо, въ полномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова.

Въ исторіи всемірной извѣстно много великихъ личностей. Древній міръ іероглифовъ далъ исторіи великаго Сезостриса, міръ магометанскій—Гарунъ—аль—Рашида, классический міръ высоко поднялъ предъ нами Александра Македонскаго и Юля Цезаря; въ мірѣ христіанскомъ тяготится длинный рядъ великихъ Альфредовъ, Карловъ, Фридриховъ и другихъ. Юное дитя исторіи Россіи идетъ своего великаго, великаго Петра. Исторія, какъ любящая мать, любовно смотрѣть и ласкаетъ этихъ великихъ сыновъ своихъ. Ихъ великая дѣя-

(*) Печатаніе первой рѣчи, читанной на юбилеѣ, по причинѣ необработанности ея, вслѣдствіе болѣзни автора, отлагается.

(**) Катона Младшаго, или Утическаго. Плутархъ.

ія, ихъ великие подвиги исторія несетъ на своихъ страницахъ оть одного поколінія къ другому, оть однихъ временъ къ другимъ. Мы съ наслажденіемъ и благоговіемъ разсматриваемъ эти величественные, эти царственные образы. И видимъ, что все они имѣютъ свой особый, свой индивидуальный характеръ: одинъ велись тѣмъ, что создалъ изъ ничтожества могучес царство, другой тѣмъ, что съ образомъ царя умѣлъ соединить великий образъ человѣка, третій тѣмъ, что завоевавъ полміра, четвертый тѣмъ, что съумѣлъ соединить въ рукахъ своихъ небывалую власть; иные тѣмъ, что посреди своихъ народовъ насадили цивилизацию и т. д. и т. д. Но въ мірѣ нравственному великие образы не тѣ,—иль нѣтъ, велики и эти образы, но есть еще другіе, большие ихъ. Къ числу ихъ исторія должна отнести нашего Государя, нашего сегодняшняго Августейшаго Юбиляра.—Когда мы видимъ, какъ одинъ человѣкъ расширяетъ свое могущество и одной рукой держитъ весь міръ,—мы удивляемся его могучему духу, но мы можемъ не сочувствовать ему, не любить его, можемъ даже неуважать его. Когда мы видимъ, какъ одинъ вывелъ многихъ на дорогу цивилизациі, мы ироникаемся къ нему наслажденіемъ и благодарностю, и мы опять-таки можемъ не найти въ своемъ сердцѣ любви къ его личности, потому что не видимъ его души, не видимъ одушевлявшаго его чувства. При оценкѣ отдельной личности мы главнымъ образомъ обращаемъ вниманіе не на величие результатовъ извѣстнаго дѣянія, а на величие и интенсивность душевнаго процесса въ моментъ совершеннія факта. А этотъ процессъ слагается изъ двухъ моментовъ—побужденія и цѣли. Кто совершилъ великое дѣло, но не руководился великою цѣлью или великими мотивами, тотъ не былъ истинно великимъ человѣкомъ, хотя, можетъ быть и имѣлъ великій умъ и великую волю. Напротивъ кто имѣлъ въ виду единственно великую цѣль и руководился великими побужденіями, забывая о томъ, на сколько велико само дѣло, на сколько громко, на сколько способно прославить его, тотъ истинно великій человѣкъ. Чѣмъ меныше

помнить и заботится великий деятель о себѣ ~~и~~ о твърдости своего дѣла, тѣмъ выше нравственно его дѣло; а это нравственно-высокое и есть великое въ эстетическомъ смыслѣ. Въ этомъ смыслѣ нашъ Августійский Юбилеиръ превзошелъ и побѣдилъ многихъ и многихъ великихъ людей. Я попросилъ бы васъ, милостивые государи, со стороны нравственности чистоты и безкорыстія сравнить славныя дѣянія нашего Государя съ дѣяніями прославленныхъ героевъ Александра Македонскаго, Юля Цезаря, Людовика XIV, Наполеона Бонапарта и проч. и вы увидѣли бы глубокую нравственную разницу въ ихъ дѣяніяхъ. Тамъ имѣется въ виду личная слава, слава и слава; тамъ руководятся страстнымъ, озареннымъ, если можно такъ выражаться, честолюбіемъ, здѣсь же имѣютъ въ виду себя, здѣсь собственная личность остается даже на заднемъ планѣ въ тѣни, а руководятся здѣсь только одною любовью, однимъ чистымъ влеченіемъ сердца къ добру. „Мы положили въ своеемъ сердцѣ сказано въ манифестѣ 19 Февраля 1861 г., обѣтъ обнимать Нашею царскою любовию и попечениемъ всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ, всякаго званія и состоянія, отъ благороднаго владѣющаго мечемъ на защиту отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу государственную до проводящаго на полѣ борозду сохой или плугомъ.“ Въ этомъ отношеніи, м.м. г.г., мы превозносимъ нашего Августійшаго Юбиляра надъ всѣми великими людьми и можемъ сравнить только съ великимъ Петромъ, который былъ также великъ въ душѣ, какъ великъ въ своихъ дѣяніяхъ. Но у Петра общій принципъ поглощалъ личность,—личность безъ пощады приносилась ему въ жертву; не то у нашего великаго Александра. Здѣсь, любовь съумѣла избѣжать этой крайности, этой суровости въ проведеніи общаго принципа. Общее добро не было у Александра ни для кого злому, оно не омрачалось ничимъ частнымъ горемъ. Онъ самъ руководился всегда чувствомъ добра и любви и ничего чужаго чувства не приносилъ въ жертву общему расчету; находя, подобно Екатеринѣ,

что лучше оправдать десятерыхъ виновныхъ, нежели обвинить одного невинного, иначе сказать, лучше пусть десять потерять вслѣдствіе исторической необходимости, нежели одинъ вслѣдствіе прямой, сознательной, несправедливости. Любовью и добромъ Александръ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ по великой міровой славѣ. Какая-то неуловимая, но всѣмъ слышанная пота мягкости, *человѣколюбія* и довѣрія прошла чрезъ всѣ дѣянія, распоряженія и манифесты нашего Августѣйшаго Монарха.

И такъ Александръ велись тѣмъ, что дѣлалъ великое не ради себя, а ради народа! Не величіе своего имени, не собственную славу, а благо народа и высокую правду имѣть онъ въ виду, совершая тихо, спокойно, систематически одну за другою реформы. Его дѣянія чужды личныхъ мотивовъ честолюбія, властолюбія и т. п., онъ напротивъ полны добровольнаго отреченія отъ всего эгоистического, полны самаго высокаго самоотверженія. Не выпѣли эти дѣянія дѣяній другихъ великихъ людей, коимъ слава предпестновала, сопутствовала и спослѣдовала, какъ єтіамъ куренія, носившійся густымъ облакомъ надъ головами великихъ дѣятелей и могущественно кружившій эти могучія головы? А Александръ не жилъ среди этихъ возбуждающихъ средствъ: онъ никогда не самоуслаждался, не самовосхвалялся среди своихъ безчисленныхъ реформъ, которая только развѣ безумный можетъ не признать великими для русскаго народа.

Второе, что составляетъ особенность славной дѣятельности нашего Монарха, особенность, необыкновенно возвышающую личность Его среди многихъ великихъ людей, и на что мы хотѣли бы обратить ваше вниманіе, м.м. гг., это то, что дѣятельность Его, если не считать послѣдней русско-турецкой войны, почти вся принадлежитъ мирному развитію нашего отечества. И даже не упуская изъ виду, кроме войны 1877 г., победы надъ Кавказомъ и польскими мятежниками, мы все таки должны сказать, что не война, а миръ прославилъ Александра, что въ мирѣ онъ былъ великий.

При оцѣнкѣ дѣятельности такихъ лицъ кое-кѣ цари и правители народовъ, мы никакъ не должны упускать изъ виду такого важнаго обстоятельства. Легче прославиться дѣлами вѣнчаной политики, нежели дѣятельностю на почвѣ внутренняго мириаго развитія народа, гдѣ тысячи актовъ невыразимо-сложной народной жизни или препятствуютъ или ослабляютъ или закрываютъ собою добрыя намѣренія, благія начинанія и свѣтлые результаты дѣятельности одного!... Масса, народная масса любить и цѣнить наружный блескъ и громкость дѣяній, ее поражаетъ вѣнчаность. Она изумляется и благоговѣетъ, когда слышитъ и видитъ, какъ великий Цезарь побѣдилъ великаго Помпея, какъ Македонскій Александръ въ 33 года всей своей жизни побѣдилъ десятки царей и царствъ; но она не можетъ слѣдить, не можетъ цѣнить той долгой внутренней работы, которою сопровождается внутреннее пересозданіе, обновленіе и усовершенствованіе національной жизни. Масса не способна видѣть этого и готова пройти равнодушіемъ и молчаніемъ труды, въ которые ушли всѣ силы духа, движимаго любовью и желаніемъ народнаго блага. Пусть не сдѣлаемъ этого мы!... Мы, могущіе видѣть причинную связь фактовъ и способные понять внутреннюю энергию, потребную для совершенія великаго обновленія народной жизни—мы не можемъ не засвидѣтельствовать величія дѣлъ Александровыхъ. Мы не можемъ не преклоняться предъ тѣмъ возвышеннымъ теченіемъ мысли, предъ тѣмъ напряженіемъ воли, какія нужны были Александру для того, чтобы искусною рукою взять раба у господина и продажную собственность превратить въ человѣческую личность. Результатъ громаденъ и разителенъ для всѣхъ, но не всѣ способны видѣть высокую нравственную натуру Александра какъ человѣка, высокое, безмѣрно-гуманное сердце, которымъ оказались въ этомъ безсмертномъ дѣлѣ. Взглядите и па другія реформы, па другія дѣянія 25 лѣтнаго царствованія Александра и вы увидите тоже, вы увидите добра го нравственнаго генія, духа любви и человѣчности. И этотъ духъ любви, эта нравственная тенденція дѣлаютъ Александра великимъ среди самыхъ обыкно-

венныхъ, самыхъ негромкихъ его дѣлъ и объединяютъ эти дѣла въ единеніе великое и нравственно-прекрасное. Александръ прославилъ и увѣковѣчилъ свое имя не громами побѣдъ, не вѣшнимъ блескомъ дѣлъ, не ломкою всякаго рода безъ разбора личностей и чувствъ человѣческихъ, но проявленіемъ великаго среди мирной, тихой, обыденной жизни человѣка,—тѣмъ, что изумительно мудро съумѣлъ соединить интересы обще-человѣческіе съ интересами отдельныхъ обществъ, учрежденій и личностей. Едва ли мы пайдемъ другаго царя, который бы произвелъ такъ кротко, ласковою рукою такія великия реформы и перемѣны въ своемъ государствѣ и такъ благотворно съумѣлъ повлиять на судьбу другихъ менѣе сильныхъ и ищущихъ помощи народовъ, какъ сдѣлалъ это Александръ освободитель народа и народовъ.

Наконецъ Царь нашъ великий своимъ мученичествомъ. Не мученикъ ли онъ, не страдалецъ ли онъ, претерпѣвшій столько душевныхъ потрясеній, столько внутреннихъ муки и страданій! Человѣчество давно уже назвало неблагодарность разительнымъ именемъ чернаго чувства, и эту черную неблагодарность испыталъ на себѣ нашъ великий Монархъ. Рука изверга не разъ, не два, а множество разъ поднималась на самую жизнь Царя-Преобразователя и Освободителя. Въ безуміи своихъ черныхъ замысловъ, чего ищутъ эти люди? И кто они? Дѣти своеволія, безправія, подкидышіи труда! Мы свидѣтели обнаруженія этихъ по истинѣ скудоумныхъ замысловъ трудимся по мѣрѣ силъ въ той или другой сферѣ жизни, кто въ семейной, кто въ общественной, кто даже и въ государственной—и видимъ и сознаемся, какъ великъ трудъ этотъ, какъ сложна и трудна по исполненію задача въ самой укромной сферѣ жизни человѣческой. Мы видимъ, какъ множество братій нашихъ то тамъ, то здѣсь падаютъ подъ гнетомъ сложныхъ жизненныхъ обстоятельствъ и съ окончаніемъ духа повторяемъ за древнимъ мудрецомъ, что мы знаемъ только то, что мы не знаемъ окончательного решенія ни одному жизненному вопросу или задачѣ. А они? Кто эти они...

дерзкие всезнайки, въ обиду здравому смыслу, объявляющіе, что они *придумали*, не пашли гдѣ нибудь, но *сами придумали золотой скрѣпѣ*, что они порѣшили тѣмніе вопросы, надъ которыми лучшіе представители человѣчества трудились, трудятся и будутъ вѣчно трудиться. Страсть осаждила ихъ, и подъ влияніемъ страсти человѣкъ не видить и не想要 видеть истины. Тотъ, кто неисповѣдимо иправить міръ, кто дать жизнь самому духу человѣческому, Кто создать самую истину и дать человѣку способность различать и разумѣть ее, Тотъ одинъ спроситъ у нихъ отвѣта, поставить ихъ предъ своимъ судилищемъ и доведеть ихъ до сознанія, что они менѣе понимаютъ жизнь человѣческую и внутренніи основы ея, нежели тѣ, отъ кого они насильственно, разбойнически требуютъ разрушенія существующихъ формъ жизни, не представляя на мѣсто разрушаемаго ничего поваго. Если гибель другаго нужна имъ, если на злополучіи ближняго хотятъ они построить свое воображаемое благополучіе, то дурные они люди, и нѣтъ имъ другаго имени, кроме ничтожества и самообольщающейся неправды. И мы, чтобы не омрачать нашего торжества, отвратимъ взоры наши отъ этихъ темныхъ силъ, которые не додумались еще до свѣтлыхъ взлядовъ на міръ и жизнь, и у которыхъ собственная мысли еще не въ порядкѣ. Мы обратимся къ тому и взглянемъ на то, что Александръ претерпѣлъ отъ этихъ людей, безотчетно отдавшихся своей темной страсти. Можно быть недовольнымъ, питать враждебное чувство къ тому, кто преслѣдовалъ личный интересъ, личное довольство и благо въ общественныхъ дѣяніяхъ, а не къ тому, чьи дѣянія отличаются самоограниченіемъ, самоотрицаніемъ, самоотверженіемъ. Можетъ быть лучше, можетъ—быть плодотворнѣе можно бы было произвести великое обновленіе жизни, великія преобразованія и реформы народныя, только не имъ, не этимъ дѣятелямъ темной анархической пропаганды, и не испытавшимъ своей руки ни въ одномъ добромъ дѣлѣ. И Александръ мученикъ, великий мученикъ, которому за все добро, за всѣ заслуги, за всѣ старанія и попеченія о

народномъ благѣ какіе-то дикіе люди заплатили полной неблагодарностію, полной несправедливостію, горькою обидою, не признавая его добра добромъ. Великъ Онъ еще болѣе тѣмъ, что среди этой тревоги, среди этихъ личныхъ несчастій, опѣ не отступилъ отъ своихъ давнихъ благихъ намѣрений и цѣлей, по продолжалъ неуклонно и въ дальнѣйшіе годы послѣ и между этихъ скорбей дѣло преобразованія и обновленія Россіи. Сколько благодушія, добродушія, личнаго самоотверженія и любви къ народу нужно имѣть въ душѣ, чтобы не возмутиться духомъ, чтобы не оскорбиться, чтобы не наложить на народъ вместо любящей и ласковой руки руку суровую и карающую, чтобы наконецъ совѣтъ не отвернуться отъ народа. Богъ помазанника Своего хранить и силы Ему дастъ несвойственныя обыкновенному человѣку!

Великъ любящій и самоотверженный духъ Александра; велика Его дѣятельность не громами побѣдъ и завоеваній прославившаяся, но великимъ обновленіемъ жизни народной; велика и славна и навсегда останется памятна исторіи Его жизнь, полная тревогъ и огорченій отъ людей, которымъ Онъ желалъ творить и творилъ одно добро, одну милость!!!...

Георгій Можаровъ.

НА 19-е ФЕВРАЛЯ 1880 ГОДА.

Героемъ греческаго міра
Былъ храбрый царь Агамемнонъ;
Не менѣе этого кумира
Межъ галлами—Наполеонъ.
Но громки тѣ въ походахъ бранныхъ
И разрушительной войной:
Нашъ Александръ, вѣнецъ избранныхъ,
Сіяеть славою иной.
Среди громовъ на полѣ брали
Взошелъ Онъ на державный тронъ,

Когда въ годину испытаний
Терпѣли русскіе уронъ,
Когда отчаянье смыялось
Надеждою на свѣтлый день
И счастье бранное скрывалось
Отъ Севастополя, какъ тѣнь.
Но славны дни Его державы:
Могущество родной земли
Ни чуждый врагъ, ни злые правы
Своихъ, ослабить не могли.
Не возвеличить государства
И само счастіе войны,
Когда застой и кѣга барства—
Враги домашніе страны.
И вотъ Монархъ державной волей—
Отъ устарѣвшихъ быта формъ
Новель народъ къ счастливой долѣ
Путемъ обширнѣйшихъ реформъ.
Петръ изъ одежды азіатской
Русь въ европейскую облекъ,
А Александръ любовью братской
Прмо раба съ ней совлекъ.
Онъ вождѣленную свободу
И много драгоцѣнныхъ правъ
Даль удрученному народу,
Привычки дикія поправъ.
Теперь народу слезы чужды:
Онъ ленту скудную несетъ
На государственные нужды,
А не па прихоти господъ.
Отрадень видѣ на пивахъ, въ хатахъ,
И пѣсни мирныхъ поселянъ
Звучать веселіемъ пернатыхъ,
И томцевъ лѣса и полянъ.
Реформами вражду Европы

Опъ отъ Россіи отклонилъ
И тѣмъ удобнѣйшія тропы
Къ ея могуществу открылъ:
Доступнѣй для руси свободной
Ея святая стала щѣль
Въ политикѣ международной—
Свобода родственныхъ земель.
И вотъ могучая Россія
Свершила въ четверть вѣка путь,
Какой во времена другія
И во сто лѣтъ не обогнула,
И геніемъ царя окрѣпла,
И вновь Малаховскій курганъ,
Подобно фениксу изъ пепла,
Возникъ на зло враждебныхъ странъ.
Чтобъ отомстить за Севастополь
И за славянскую страну,
Ходила Русь въ Константинополь
Смирять двурогую луну.
Задѣла тѣмъ дипломатію,
И европейскій интересъ
Побѣдоносную Россію
Позвалъ на Берлинскій конгрессъ.
Враждою Англія объята,
Войной грозилась на нее,
Но отъ Парижскаго трактата
Осталось жалкое тряпье.
Не повторился болѣе случай
Для нашихъ островныхъ враговъ.
Ударъ нанести Руси могучей
Союзныхъ силою штыковъ;
И взору турокъ чалмоносныхъ
Открылось ясно лишь одно,
Что имъ ударовъ смертоносныхъ
Перенести не суждено.

Европа ратовать отстала
За неприкосновенность ихъ
И неожиданно сознала
Непрочность принциповъ своихъ.—
Не для однихъ славянъ балканскихъ
Опорой Русская страна:
И въ западныхъ земляхъ славянскихъ
Мысль о единствѣ сознана.
Народную въ Россіи тропу
Мы видимъ новую теперь:
Петръ „прорубилъ окно въ Европу,“
А Александръ—къ славяnamъ дверь.
Великіе царю обѣты
Славянскіе пароды шлють,
А вдохновенные поэты
Вѣнокъ безсмертія сплетутъ.
Широкія раскинувъ крылья,
Двуглавый съверный орель
Однимъ искусствомъ безъ усилия
Успѣховъ много пріобрѣль.
Что началъ Іоаннъ Четвертый,
То Александръ второй свершилъ:
Татарь единовѣрныхъ съ Портой
Оплотъ послѣдній покорилъ.
Въ странѣ рабовъ, отчизнѣ сарта, (*)
Прогресса занялась заря:
Народы съ Окса и Яксарта
Чтятъ волю Бѣлаго Царя.
Преграды многія разруша,
Черезъ моря, черезъ пески,
До передгорій Гиндукуша
Достигли русскіе полки
И здѣсь ужасно надобли

(*) Отъ слова—сартъ,—что означаетъ кореннааго жителя Түркестана.

И вновь надѣлали хлопотъ
Семиту—лорду Дизраэли,
Встревоживъ иеровъ, воеводъ.
Отнынѣ власти Альбиона
Грозить не есть уже мечта:
Извѣстно, гдѣ у Булля-Джона
Теперь Ахиллова пята....
Не чая Руслъ ослабить боемъ,
Чтобъ затрудненія создать,
Враги пытаются разбоемъ
Ея основы расшатать:
Открывъ приютъ соціалистамъ,
Даютъ защиту бунтарямъ....

.....

Но тщетны адскія желанья
Межъ нами поселить расколъ:
Велики наши упованья
На силу вѣры и престоль.
Когда бы цѣлямъ сумазбродовъ
Преградъ не ставилось Творцомъ,
Весь міръ съ святынею народовъ
Перевернулся бы вверхъ дномъ.
Утесъ гранитный не повалить,
Какъ ни шумить волна морей;
Монаршей славы не умалить
Враждою ни одинъ злодѣй.
Ужъ въ пятый разъ враговъ удары
Нерѣтъ Божій отъ Царя отвелъ;
Но тяжесть ихъ постигшей кары
Творимыхъ меныше ими золъ.
Верховному Домовладыкѣ
За долгоденствіе Царя
Поютъ усердно гимны лири
И дымъ курится алтаря.
Готовы мы на подвигъ славный

Идти подъ знаменемъ святымъ:
Да здравствуетъ нашъ Царь Державный;
Надежда вѣрнымъ, трепетъ злымъ,
И да блеститъ Онъ славой повой,
Десницей Вышнаго хранимъ,
Стезею шествую Петровой
На радость подданнымъ своимъ!

Иринархъ Иопов

РОДИТЕЛИ И ДѢТИ.

(Окончаніе.)

Въ политическомъ отношеніи мы безупречные и усердные патріоты: мы чтимъ царскую власть и въ тяжелыя минуты все готовы принести на алтарь отечества,—и имущество и жизнь. Но того патріотизма, какимъ пламенѣемъ мы сами, часто мы не находимъ въ младшемъ поколѣніи, заявляющемъ себя разрушительными соціально-космополитическими стремленіями. Откуда бы эта политическая неблагонадежность, эти разрушительныя соціально-революціонныя заманки у дѣтей, выростающихъ на нашихъ глазахъ? Намъ кажется, и здѣсь мы не безвинны въ порчу молодежи. Мы страждемъ недугомъ самобичеванія и недовольства по отношенію къ нашей общественной государственной жизни, и часто слишкомъ не осторожны и неумѣрены въ заявлениі своего недовольства. У насъ слишкомъ развита и вошла въ моду несдержанная критика всего, совершающагося предъ нашими глазами въ нашемъ отечествѣ. По нашимъ пересудамъ, слышимымъ ежедневно и здѣсь и тамъ,—и то у насъ не такъ, и другое не въ порядке; тогда-то не сдѣлали того, что существенно требовалось обстоятельствами времени; въ другой разъ дурно распорядились и глупо поступили; а тамъ явная недобросовѣстность и попраніе обще-государственныхъ интересовъ. Когда мы судимъ о дѣятеляхъ, стоящихъ на видныхъ степеняхъ общественнаго управления, они предъ нашимъ судомъ большую частію являются несоответствующими своему назначению: тотъ—бездарность, и занять высокое мѣсто только по связямъ и протекціи; другой выдвинулся чрезъ интриги или благодаря какой либо счастливой случайности; третій поль-

зуется своимъ высокимъ положеніемъ, чтобы какимъ нибудь образомъ набить себѣ карманъ. Послушать настѣ,—мы не скучимся на самые рѣзкие отзывы о людяхъ, которые должны бы возбуждать въ насъ уваженіе къ себѣ, и, что всего хуже, мы прилагаемъ самые упизительные эпитеты къ именамъ такихъ лицъ, служебная дѣятельность которыхъ памъ совершенно неизвѣстна, и обѣ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ которыхъ до насъ доходятъ самые неопределенные и смутные слухи. Когда рѣчь коснется состоянія нашего отечества, какъ государственной цѣлости, мы расписываемъ не только дѣйствительное, но и воображаемое зло,—недостатки, незѣбъжные въ развивающемся обществѣ, увеличиваемъ до громадныхъ размѣровъ; состояніе, полное надеждъ и ожиданій, представляемъ въ видѣ безотрадномъ, навѣщающимъ уныніе; гдѣ идетъ посильная работа ко благу общества, тамъ мы ищемъ однихъ злоупотребленій и готовы указывать непониманіе дѣла. Наші годы были свидѣтелями великихъ и благодѣтельныхъ преобразованій. Но эти великія и благодѣтельныя преобразованія не исцѣлили болѣзни языка, и не успокоили страсти къ самоосужденію. Напротивъ чѣмъ больше дѣжалось на благо нашего народа въ высшихъ сферахъ нашего управлѣнія, тѣмъ больше возбуждалась страсть все осуждать и находить не такимъ, какимъ бы тому быть надлежало. Несомнѣнно, что освобожденіе крестьянъ было величайшею и благодѣтельнѣйшюю изъ реформъ, составляющею славу нашего времени. Но едвали не больше всѣхъ другихъ реформъ нынѣшняго царствованія это великое дѣло разшевелило недовольные языки и усилило нашу пересудливость по отношенію къ дѣламъ государственного свойства. Быстро шли успѣхи нашей общественности, но въ нѣсколько разъ быстрѣе росла наша критическая общественная мысль, подвергающая строгому осужденію созидаемый порядокъ вещей. И мы такъ настроены, что чѣмъ больше кто выражаетъ недовольства на общественный строй нашей жизни, чѣмъ рѣзче и неумѣренѣе выражаетъ свои сужденія о дѣйствіяхъ лицъ, заправляющихъ теченіемъ той или другой отрасли жизни, тѣмъ больше тотъ имѣетъ права на титло передового человѣка, тѣмъ скорѣе за тѣмъ усвоена будетъ репутація необыкновенно умнаго, выдающагося изъ ряда другихъ, дѣльца. И вотъ носятся пересудливые толки о нашихъ общественныхъ дѣлахъ изъ конца въ конецъ. Мы не замыкаемся съ ними въ тѣсныхъ круж-

кахъ, не прячемся съ ними въ типи кабинота; мы выносимъ ихъ на показъ передъ всѣми, и наши подростыющія дѣти слышать носящійся предъ ними гулъ осужденія, направленнаго на все, совершающееся предъ нами въ обществошномъ быту. Сѣмѧ падаетъ на молодую впечатлительную душу, и пускаеть въ пей глубокій корень. Молодое поколѣніе идетъ по стопамъ отцовъ и наживаеть прежде времени привычку все осуждать и все бранить. Критика является у него прежде, чѣмъ оно узнаеть что нибудь. Въ годы первоначального воспитанія оно готово судить и рядить все и всѣхъ. Предъ нимъ первый авторитетъ въ школѣ—учители и воспитатели, и на него напускаются они съ своею неумѣренною критикою. Намъ случалось слышать, какъ ученики пятаго и шестаго класса реальнаго училища и классической гимназіи, не стѣсняясь, всѣхъ своихъ учителей представляли бездарными и называли дураками. Съ годами кругозоръ молодыхъ критиковъ расширяется: ихъ задорная мысль, все рубящая съ плеча и все иопирающая, отъ школы и учителей переносится па жизнь и ея дѣятелей. Порядки, на которые ворчали ихъ отцы, кажутся имъ ненавистными, прежде чѣмъ они испытаютъ ихъ пригодность. Раздражаемые гуломъ пеясного недовольства, доносившимся съ-издѣствта до его ушей, молодое поколѣніе волнуется. Оно думаетъ, что, значитъ, не хороша постановка нашей жизни, когда на нее постоянно нападали отцы наши, и когда въ ихъ глазахъ они съ чувствомъ недовольства и отрицанія перебираютъ всѣ ея стороны. Оно ищетъ выхода изъ того положенія, которое представляли такъ некрасивымъ въ своихъ бесѣдахъ люди старшаго поколѣнія, и въ сердцѣ, полномъ рвнія, надежды и будущности, зараждаются желанія и планы все исправить, все поставить на новый ладъ. Мысль болѣе полная задоромъ, чѣмъ знаніемъ и содержаніемъ, кипитится, шумитъ и льется черезъ край. Отуманенное ею, молодое поколѣніе бросается на опасные пути. И вотъ предъ вами являются бунтари, революціонеры и соціалисты, присвоющіе себѣ роль непрізванныхъ реформаторовъ и думающіе все перевернуть вверхъ дномъ.

Обвиняютъ молодое поколѣніе, что оно не признаетъ брака, возтаѣтъ противъ святости семейнаго начала и тамъ, где религія возвышаетъ и одухотворяетъ человѣка, оно унижаетъ до степени скотской природы. Слыши эти обвиненія, мы опять обращаемся къ себѣ и спрашиваемъ себя, сдѣлали

ли мы возможное для насть, чтобы внушить подростающему поколѣнію подлежащее уваженіе къ семье и семейному началу. Напротивъ мы дали толчокъ смѣлой неупорядоченной мысли и вольѣ къ отрицательному отношенію къ нравственнымъ законамъ семейного союза. Въ наши дни не поднимался вопросъ о бракѣ и его значеніи, и форму жизни, освященную религію, мы признавали для себя закономъ. Но нельзѧ было не замѣтить гдѣкотораго легкаго отношенія съ нашей стороны къ тому, что церковь окружила таинственнымъ величиемъ. Мы слишкомъ мало думали о важности и святости брака, и когда вступали въ семейную жизнь, обращались къ браку, какъ къ обряду, установленному обычаемъ, чрезъ который нужно пройти, чтобы въ обществѣ имѣть гражданская права семьянина. Стоитъ присутствовать въ церкви при совершении брака, чтобы видѣть ту легкость взгляда, съ какою люди относятся къ великому таинству. Способно ли это внушить людямъ, пріучающимся смотрѣть на вещи первоначально нашими глазами, то высокое уваженіе къ святынѣ брака, какое было бы желательно видѣть въ нихъ? Мы не думаемъ отрицать семиѣ къ теоріи; но на практикѣ семейная начала значительно поколеблены и расшатаны въ насть. Жизнь постоянно то здѣсь, то тамъ подвергала искушению крѣпость семейного союза, утвержденного и освященного Богомъ, и страсть человѣческая часто беззастѣпчиво порывала тѣ нравственные узы, какими скрѣпляется семейный союзъ. И это совершалось и совершаѣться не тайно; а явно, на глазахъ всѣхъ. Общественный говорѣ въ нашихъ городахъ указывалъ то тотъ, то другой домъ, гдѣ человѣкъ разлучилъ то, что сочеталъ Богъ. Люди, разрушавшие семейное счастіе, или покидавши семью и дѣтей, для удовлетворенія своей страсти, являлись героями дня, и молва не успѣвала слѣдить за новостями скандалезнаго свойства, наполнявшими наши ежедневныя лѣтописи. Не съ пегодованіемъ, не съ сожалѣніемъ общественное мнѣніе встрѣчается и провожаетъ героеvъ подобныхъ исторій: оно смотритъ на нихъ съ равнодушіемъ, какъ на явленіе, не выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, а часто даже окружаетъ ихъ поэтическимъ ореоломъ и возбуждаетъ къ нимъ сочувствіе. Литература подхватываетъ такія явленія, обобщаетъ ихъ и расписываетъ ихъ своими фантастическими узорами. Весьма часто въ ней становятся на пьедесталъ и изъ ничтожныхъ презрѣнныхъ пигмеевъ возводятся въ великаны рабы низкой страсти, увлекае-

мые на путь разврата: на ихъ сторонѣ право, на ихъ сторонѣ поэзія чувства; на ихъ сторонѣ прелести жизни. Между тѣмъ простая семейная жизнь представляется скучною, вялою и монотонною; она какъ болото, подернутое тицою: подъ мертвичнымъ спокойствиемъ подернутой тиною стоячей воды скрыты подводные камни, и когда человѣкъ съ душою пустить неосторожно ладью свою по этому болоту, весьма легко разбиться ей о скрытый подводный камень. Молодое поколѣніе все это видитъ, слушаетъ и читаетъ. На почву его сознанія падаютъ опасныя съмѣна, и весьма трудно искоренять или подавлять ихъ. Какъ дикие плевелы, они быстро растутъ, заглушають собою добрыя съмѣна и приносятъ плодъ по роду своему. Этотъ плодъ тѣ дикие взгляды на семейное начало, которые являются частью нашей молодежи, и которые столько унижаютъ человѣческое достоинство.

Кромѣ примѣра жизни, у насъ есть другія болѣе прямыя средства, какими мы не только можемъ, но и должны действовать на дѣтей своихъ и приготовлять ихъ къ будущей дѣятельности. Мы, старшее поколѣніе, въ качествѣ родителей или наставниковъ, призванные Богомъ и обществомъ воспитатели дѣтей нашихъ или того поколѣнія, которое выступить на сѣмьну намъ па поприщѣ жизни. Мы обязаны снабдить ихъ тѣмъ духовнымъ богатствомъ, какое необходимо имъ на жизненной дорогѣ; нашъ долгъ дать надлежащее полезное направление ихъ волѣ и всемъ душевнымъ силамъ. Въ годы возрастанія мы питаемъ ихъ тѣлесно; по гораздо важнѣе для нихъ питаніе духовное, чѣмъ питаніе тѣлесное. Если они, при вступлении на самостоятельный путь дѣятельности, являются тощими и скудными въ духовно-нравственномъ отношеніи, если направленіе ихъ возбуждаетъ въ насъ ужасъ и испугованіе, то отсюда сторонній наблюдатель безошибочно можетъ заключать, что мы, ихъ воспитатели, или не умѣли дать имъ надлежащаго воспитанія и направить па добрый путь ихъ волю, или были небрежны въ исполненіи возложеннаго па насъ и Богомъ и природою священнаго долга. Не можемъ же мы, цѣлое поколѣніе, объяснять разныя пепрormalьныя явленія и безнравственные увлечения нашей молодежи одними сторонними вліяніями, Богъ вѣсть откуда пришедшими, чѣмъ отстрагивать отъ себя всякую вину за ихъ увлечения. Если бы въ годы воспитанія мы оградили крѣпко нравственность своихъ дѣтей, если бы снабдили ихъ надежнымъ ору-

жіемъ для борьбы съ искушеними, тогда пагубный вліянія, откуда бы они ни являлись, не имѣли бы надъ ними такой силы, какую нынѣ они обнаруживаютъ въ ихъ средѣ.

Нынѣ многое пишутъ и говорятъ о воспитаніи. Педагогическая литература распустилась довольно широко въ наше время и образуетъ особый видный отдѣль въ нашей письменности. Педагогія является однимъ изъ предметовъ преподаванія въ нашихъ школахъ, и многіе изъ нашихъ отцовъ и матерей выслушали полный курсъ этой науки. Наша современная школа съ горделивымъ препрѣбреженіемъ относится къ тѣмъ простымъ, неученымъ и часто грубоватымъ приемамъ воспитанія, какими пробовала наша старая школа. Но Богъ не благословляетъ нашихъ усовершенствованыхъ приемовъ воспитанія такимъ успѣхомъ, какого отъ нихъ можно было ожидать, и наша старая школа, скудная своими педагогическими средствами, какъ будто болѣе достигала своей цѣли, чѣмъ сколько достигаетъ ея нынѣшняя богатая и усовершенствованная школа. По крайней мѣрѣ воспитанники прежней школы не выходили изъ колеи порядка, не заявляли никакихъ рѣзкихъ направленій и не озабочивали своими стремлѣніями ни общество, ни людей, власть имѣющихъ, какъ озабочиваются представителей власти и общество воспитанники нынѣшней школы.

Гдѣ же причина этого? Не въ томъ ли, можетъ быть, что современная педагогія опускаетъ изъ виду основное правило всякаго воспитанія, по которому начало премудрости страхъ Божій? Не въ томъ ли, что современное воспитаніе какъ оно практикуется и въ школахъ и въ семействахъ, не придаетъ надлежащаго значенія религіознымъ начальствамъ и не заботится о возможно болѣе твердомъ и глубокомъ вкорененіи ихъ въ юныхъ сердцахъ и умахъ? Религія первый и самый надежный стражъ правдивости и добра на направленія жизни. Если въ сердцѣ человѣка свято хранитъ религіозныя начала, если онъ боится Бога, тогда смѣло можно ручаться за него, что изъ него не выйдетъ преступника, революціонера, бунтаря, негодяя, подобного тѣмъ, какія являлись въ наши дни на скамьяхъ подсудимыхъ и имена которыхъ заклеймены общественнымъ позоромъ; его совѣсть, имѣющая Бога предъ собою, не позволитъ ему отступить отъ долга и закона, и если падетъ онъ подъ давленіемъ какихъ либо искушений, внутренній судія будетъ преслѣдоватъ его, и онъ поспѣшить къ покаянію и исправленію. А если изъ сердца , утра-

чена или не возвращена въ пемъ святая вѣра, человѣкъ лишается всякой нравственной устойчивости и является въ положеніи, полномъ нескончаемыхъ опасностей и колебаний. Положеніе его напоминаетъ собою положеніе человѣка, который отчалилъ отъ твердаго берега и на малой ладьѣ безъ якоря, кормчаго и парусовъ пустился въ безбрежное море: поднимается буря; ему не па что опереться, и опъ предается прихоти волнъ, бушующихъ вокругъ него; гонимый ими, онъ скорѣе потонеть въ водной пучинѣ, чѣмъ попадеть въ безопаснную пристань. Очень знаменательный и поучительный фактъ, что тѣ несчастные, политические преступники, которые запятали свое имя разными злодѣйствами и такъ низко пали въ нравственномъ отношеніи, и которыхъ несолько экземпляровъ мы видѣли такъ недавно на скамье подсудимыхъ, съ некоторымъ нахальствомъ безстыдствомъ въ одинъ голосъ заявляли, что они религіи не признаютъ. Этимъ заявлениемъ они объясняютъ, отъ чего они дошли до своего жалкаго состоянія и до того погибельного конца, который заключилъ ихъ безумную дѣятельность. Именно недостатокъ или утрата религіи—вотъ причина всѣхъ ихъ нравственныхъ злоключеній. Будь при нихъ святая вѣра, она не допустила бы ихъ потерять па всегда свое человѣческое достоинство.

Нельзя сказать, чтобы религія заброшена была совершен-
но въ нашемъ воспитаніи. Но она не составляеть того, чѣмъ
ей слѣдуетъ быть, именно главнаго предмета вниманія,—осло-
ванія всей воспитательной системы. Первое домашнее воспита-
ніе лежитъ главнымъ образомъ на обязанности матерей.
Многія изъ нихъ и религіозны; но мысли и заботы ихъ, за
немногими исключеніями, направлены не туда, чтобы сдѣлать
ихъ крѣпкими нравственно и твердыми въ вѣрѣ. Опѣ забо-
тятся о внѣшности,—чтобы дитя ихъ было чисто одѣто, при-
глажено и наряжено, какъ игрушечка, чтобы все любовались
имъ и его нарядомъ. Опѣ заботятся о тѣлесномъ здоровыи,—
чтобы вѣтеръ не пахнулъ на ихъ дитя, чтобы не простуди-
лось оно, чтобы хорошимъ питаніемъ поддержать его силы и
укрѣпить его организмъ. А о душѣ, ея питаніи и укрѣпле-
ніи, о развитіи ея по образу и подобію Создавшаго ее,—объ
этомъ слишкомъ мало попеченія; какъ будто въ этомъ инте-
ресъ второстепенный для человѣка и его будущности. Отцы
иъ большинствѣ менѣе религіозны, чѣмъ матери, болѣе ихъ
равнодушны къ дѣлу религіознаго воспитанія своихъ дѣтей,

тѣмъ болѣе, что въ напѣ практическій вѣкъ дѣловые люди отъ религіознаго знанія не ожидаютъ и не видятъ никакой осознательной прибыли. И вотъ въ нашихъ семействахъ ростутъ дѣти, какъ дикихъ маслины: къ нимъ не прививаются, въ ихъ души не вливается тѣхъ добрыхъ соковъ, обновляющихъ и усовершающихъ существо наше, какіе носить и предлагающе всѣмъ святая спасительная вѣра. Правда, наши дѣти въ семействахъ изучаютъ главныйшія молитвы, и имъ сообщаются элементарныя катехизическія свѣдѣнія. Но какъ часто самимъ дѣтямъ внушается при этомъ, что они должны знать это потому, что безъ знанія такихъ предметовъ не могутъ поступать въ школу! А отсюда не трудно понять, что въ этомъ важнѣйшемъ дѣлѣ руководить людьми не сознаніе внутренней потребности, а представленіе стороннихъ соображеній.

Дитя поступаетъ въ школу. Здѣсь есть пепремѣнно законоучитель священникъ, и для всѣхъ обязательны уроки по закону Божію. Но если дитя изъ семейства не винесло твердой религіозной выдержки, если въ теченіе школьнаго курса не стараются действовать на развитіе религіознаго чувства дитятія или мальчика люди, постоянно его окружающіе, то самому усердному законоучителю трудно пересоздать его и едѣвать его такимъ, какимъ желаетъ видѣть каждого изъ наст. св. Церковь. При томъ положеніе и дѣйствіе законоучителя въ нашихъ школахъ не такъ видно и широко. Рядомъ съ нимъ дѣйствуютъ на дѣтей десятки другихъ учителей и воспитателей, и между ними не ему принадлежитъ заправляющая роль. Въ сложномъ составѣ учащаго сословія въ нашихъ школахъ далеко не вездѣ сохраняется полная гармонія въ направленіи; первѣко законоучитель съ своими стремлениями является однокимъ, безъ поддержки со стороны своихъ товарищевъ. Дѣйствіе его на пользу религіознаго образованія и направленія своихъ питомцевъ остается безплоднымъ, если не будетъ поддержано другими сотрудниками по школѣ: оно напротивъ парализуется и уничтожается, какъ скоро имѣеть противъ себя противобурствующія влиянія, исходящія отъ людей, рядомъ съ нами стоящихъ. И если смотрѣть не на офиціальныя лѣтописи нашихъ школъ, а на внутренній ходъ ихъ жизни, не расписываемый въ печати, то дисгармонія во вліяніяхъ, дѣйствующихъ въ школѣ, и парализованіе вліянія ревнителя религії со стороны несогласныхъ съ нимъ:

вліяній другихъ лицъ школы окажется явленіемъ болѣе частымъ, чѣмъ можно предполагать, смотря на дѣло изданіи. Въ этомъ отношеніи прежнія школы, въ которыхъ действовали люди старого образованія, болѣе нашего уважавшіе религію и привязанные къ ней, были счастливѣе пынѣшихъ школъ: вліяній, чуждыхъ религіи и подрывающей уваженіе къ ней, въ нихъ были не видны и составляли исключение. Отъ того изъ прежніхъ школъ выходили люди съ болѣе свѣжимъ религіознымъ чувствомъ, чѣмъ съ какимъ выходятъ пынѣніе питомцы, носящіе съ собою свидѣтельство зрѣлости. Между ними рѣдкость благочестивый, искренно вѣрующій, усердный сынъ Церкви.

Есть другой грѣхъ въ нашемъ воспитанії. Оно слишкомъ уважаетъ природу человѣка и считаетъ прямою свою обязанностью развивать тѣ силы и стремленія, какія въ ней заключаются. Но это дѣло одностороннее и потому неправильное. Природу человѣка нужно не развивать только, но и исправлять, если хотятъ довести ее до надлежащаго совершенства. Природа наша испорчена и повреждена. По слову Нисанія, всѣ мы рождены въ беззаконіяхъ (Пс. 1, 7), и пѣтъ человѣка свободного отъ скверны и чистаго предъ Богомъ, если и одинъ день житія его на землѣ (Пов. XIV, 4. 5. XV, 14. IV, 17); вслѣдствіе грѣхопаденія прародительского, *прильзість помышленіе человѣку приложено на злая отъ юности его* (Быт. VIII, 21.) Воля наша есть нечто неупорядоченное; когда она начинаетъ проявлять себя, съ нею вмѣстѣ выплываютъ наружу изъ сокровенныхъ недръ нашей природы дурная наклонности и стремленія. Кто имѣеть дѣло съ дѣтьми, тотъ знаетъ, какое широкое мѣсто занимаютъ въ жизнедѣятельности начинаящаго развиваться дитяти эти дурные наклонности. Капризы разнаго рода, жестокость, мстительность, упрямство и самолюбіе, по которому дитя хочетъ, чтобы всѣ и все ему служило и удовлетворяло его желаніямъ, — это и многое, тому подобное, что это такое, какъ не свидѣтельство присутствія въ настѣ иѣкоторой недоброй силы? Нужно по этому бдительное и строгое заправленіе молодой силы, если хотятъ выработать изъ нея образъ, достойный человѣка. Для природы, не привыкшей къ порядку и проявляющей замашки опаснаго качества, необходима твердая узда. Нужно, чтобы высшая мудрая воля сдерживала ее, подчиняла закону и пріучала къ повиновенію. Иначе человѣкъ будетъ

представлять изъ себя тоже, что дикий необъезжанный конь; безъ пользы можетъ тратиться та сила, какою падѣла его природа, и его необузданная ревность можетъ замечь его въ такія стремнини и опасныя мѣста, въ которыхъ опь сломить свою голову. Худыя инстинкты и страсти разовются въ немъ и получать перевѣсь надъ добрыми расположеніями души, и созданіе Божіе будетъ рости и жить не на радость, а на исчезъ друзей человѣчества и поборниковъ добродѣти.

Въ нашей системѣ воспитанія, какъ домашняго, такъ и школьнаго, есть значительная доля того, отъ чего можетъ зависѣть въ будущемъ нравственная неупорядоченность и неустойчивость воспитываемыхъ нами. Въ ней допускается много поблажекъ дѣтимъ, или того, что на простомъ языѣ называется баловствомъ. У насъ слишкомъ много позволено дѣтимъ. Не однѣ наши матери потворствуютъ ихъ прихотямъ; не однѣ они снисходять имъ слабостямъ; не однѣ они покрываютъ ихъ проступки и смотрятъ сквозь пальцы на ихъ опасныя шалости. Мы прежде времени обращаемся съ ними, какъ съ зрѣлыми, и они получаютъ у насъ самостоятельность прежде, чѣмъ начнутъ хорощенько сознавать себя и выучатся управлять собою. Съ силою высшей воли, съ силою сдерживающаго волю закона они не знакомятся опытно въ годы возрастанія въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для ихъ собственнаго нравственнаго укрѣпленія. Дѣти у насъ первые деспоты: сначала они плачутъ и слезами побѣждаютъ и заставляютъ покоряться и служить себѣ чужую зрѣлую волю; а когда они выростаютъ и начинаютъ болѣе или менѣе сознательно опредѣлять свои дѣйствія, они слишкомъ упрямо и настойчиво домогаются исполненія своихъ желаній, иногда самыхъ пустыхъ и капризныхъ, и сколько намъ случалось присматриваться къ опытаамъ жизни, насы окружающей, въ огромномъ большинствѣ случаевъ родительская любовь склоняется предъ этой дѣтской настойчивостію и воля родителей не выдерживаетъ борьбы съ волею дѣтей. Повторится это несолько разъ, и дитя свыкается съ ролью повелителя. И вотъ на нашихъ глазахъ десятилѣтнія или двѣнадцатилѣтнія дѣти, которая *не слушаются, а повелѣваютъ*: они не терпятъ противорѣчій и вѣнѣ себя отъ неисполненія или даже отъ нескораго исполненія своихъ желаній.—Надѣются, что школа исправить дитя, неограничиваемое и необузданное въ семействахъ, и конечно, никто не сниметъ съ нея обязанности

давать ввѣряемымъ ей дѣтямъ возможно лучшее направлениe и приготовлять ихъ къ жизни. Но школа при ея открытомъ характерѣ не можетъ сдѣлать здѣсь многаго безъ взаимодѣйствія съ семействомъ: самыя прекрасныя ея памѣрии, самыя умныя распоряженія будутъ парализованы и не достигнутъ цѣли, когда не встрѣтятъ дружнаго содѣйствія со стороны семейства. Въ настоящемъ же своемъ видѣ она сама не безвинна въ томъ, въ чёмъ можно винить матерей и отцовъ. Мало того, что въ ней больше учать, чѣмъ воспитывать, въ ней хромаетъ дисциплина, а безъ твердой дисциплины ей трудно заправлять болѣе или менѣе избалованною волею своихъ питомцевъ. Одушевленная гуманными взглядами и любящая дѣтей, какъ мать, наша школа, можетъ быть, грѣшить избытокомъ этой любви. Она смотритъ на дѣтей лучше, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ, и больше подлаживается къ нимъ, чѣмъ управляетъ ими. Она не хочетъ насиливать природы, а развиваетъ ее, и потому считаетъ неблагоразумнымъ дѣйствовать на дѣтей принужденіемъ. Предложеніе, внушеніе, убѣжденіе, пожалуй просьбы—вотъ тѣ мѣры, какими школа наша дѣйствуетъ на образование нравственнаго характера дѣтей, управляя ихъ занятіями и поведеніемъ. Прежде начальники и учителя школъ говорили своимъ воспитанникамъ: „сдѣлай то-то и то-то,“ а нынѣ говорятъ: „не угодноли вамъ сдѣлать вотъ это.“ Конечно, деликатность и вѣжливость прекрасное качество, особенно въ воспитателѣ. Но въ этомъ словѣ: *не угодно ли?* не выражается ли духъ цѣлой системы воспитанія? Не ведутъ дѣтей куда нужно, хотя противъ ихъ воли, а представляютъ имъ самимъ идти путемъ, какимъ имъ самимъ покажется удобнѣе. Намъ припоминается при этомъ одно мѣткое и характерное выраженіе покойнаго митрополита московскаго Филарета, высказанное имъ, когда представлялся ему одинъ изъ профессоровъ одного высшаго учебнаго заведенія: „въ старой школѣ ученики старались угождать своимъ учителямъ и исполнять ихъ желанія; а въ нынѣшней профессоры и учителя смотрятъ на учениковъ и стараются угождать имъ и исполнять ихъ желанія.“

Что же бываетъ слѣдствиемъ этого? Люди, окончивъ свое воспитаніе, или прекративъ его на полдорогѣ, вступаютъ на самостоятельную жизнь безъ выдержки, безъ крѣвикаго нравственнаго закала, съ избытокомъ притязаній и самолюбія. Дѣйствительность часто встрѣчаетъ ихъ суровыми толчками;

тагости, ветръчающіяся на тернистомъ пути жизни, давять ихъ. Непріготовленные къ суровой жизни,—они надламываются и падаютъ или выбиваются изъ своей колеи и ищутъ какихъ-то новыхъ путей жизни. Не привыкши стѣснять себя, они тяготятся ролью простаго работника, обязаннаго трудомъ и службою изо дnia въ день. Имъ бы повелѣвать, а не служить. А когда это не возможно, то они готовы разбивать формы общественности, ограничивающія и стѣсняющія ихъ волю, и вмѣсто ихъ создавать новые, при которыхъ бы имъ было приволье дѣлать—что хотятъ, и пользоваться, чѣмъ хотятъ.

Наши педагогики и педагогические писатели думаютъ все о новыхъ пріемахъ и методахъ воспитанія, и каждый изъ нихъ хочетъ сказать какое-либо новое слово. Но законы воспитанія одни и тѣ же, въ дѣлѣ воспитаніяельза преперегать совѣтами и указаніями древнихъ мудрецовъ. Они часто ирамъе нашего смотрѣть на дѣло, и вѣрьше оцѣниваютъ средства и условія успѣшнаго педагогическаго дѣйствованія. Припомнімъ, какъ разсуждается о дѣлѣ воспитанія премудрый сынъ Сираховъ. Кто любитъ своею сына (говорить онъ), тотъ пусть чаще наказываетъ его, чтобы епосльствіи утишатся имъ. Кто наставляетъ своею сына, тотъ будетъ имѣть помощь отъ него, и среди знакомыхъ будетъ хвалиться имъ. Умеръ отецъ его, и какъ будто не умиралъ; ибо оставилъ по себѣ подобнаю себѣ. При жизніи своей онъ смотрѣлъ на него и утишался, и при смерти своей не осталася... Поблажающій же сыну будетъ перевязывать раны его, и при всякомъ крикѣ его будетъ тревожиться сердце его. Необъзжесній конь бываетъ упрямъ, а сынъ, оставленный на свою волю, дѣлается дерзкимъ. Делай дитя, и оно устранитъ тебѧ; играй съ нимъ, и оно опечалитъ тебѧ. Не смигнисъ съ нимъ, чтобы не горевать съ нимъ, и послѣ не скрежестать зубами своими. Не давай ему воли въ юности, и не потворствуй неразумію его. Нашбай вину его, доколь оно молодо, дабы, сдѣлавши упорнымъ, оно не вышло изъ повиновенія тебѣ. Учи сына своего и трудись надъ нимъ чтобы не имѣть тебѣ огорченія отъ непристойныхъ поступковъ его (Сир. XXX, 1—2. 4—5—7—13). Не простаго развитія природы дитяти требуетъ премудрый сынъ Сираховъ, а заботливаго исправленія ея и подчиненія чужой испытанной волѣ. По его указанію, только тѣ родители увидятъ добро и радость въ

своихъ дѣятъ, которые строго слѣдить за тими, не даютъ имъ своей воли и не потворствуютъ имъ въ юности. А кто ноблажаетъ имъ, лелѣть ихъ, подлаживается къ нимъ и исполняетъ всѣ ихъ прихоти, того ожидаютъ тревоги и огорченія отъ ихъ дерзости и неистойныхъ поступковъ. И кто не согласится съ премудрымъ разсужденіемъ Сираха,—исидчага, облеченнаго авторитетомъ болѣе высокимъ, чѣмъ какой принадлежитъ напимъ обыкновеннымъ педагогамъ?

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ОТЪ УЧЕТНОЙ КОНТОРЫ.

Невскій проспектъ № 13 въ С.-Петербургѣ.

Основный капиталъ Р. 200.000.

Контора доводитъ до свѣдѣнія публики объ открытии своихъ первоначальныхъ дѣйствій, программа коихъ слѣдующая:

Покупка и продажа % бумагъ, золота, серебра и асигновокъ.

Выдача ессудъ подъ % бумаги.

Страхование выигрышныхъ билетовъ отъ тиражей погашенія по 50 коп. съ билета кромѣ Гербового сбора.

Пріемъ биржевыхъ поручепій.

Учетъ торговыхъ обязательствъ, договоровъ,екселей, не срочныхъ купоновъ и вышедшихъ въ тиражъ бумагъ.

Открытие текущихъ счетовъ простыхъ и специальныхъ.

Пріемъ денежныхъ вкладовъ на особо-выгодныхъ условіяхъ состоящихъ въ томъ, что независимо отъ 6% уплачиваемыхъ Учетною Конторою впередъ при поступлении вклада, каждый владчикъ на основаніи

§ 6 Товарищескаго договора, участвовать въ 20% ежегодно отчисляемыхъ изъ чистаго дохода Учетной Конторы, которые, по окончаніи отчетнаго года, распредѣляются въ дивидендъ между вкладчиками соразмѣрно ихъ вкладамъ и времени пребыванія оныхъ въ Конторѣ.

Бесплатно обмѣнивается талоны отъ билетовъ I съ выигрышами займа, на новые купонные листы въ Государственномъ Банкѣ.

Объ открытии дѣйствій Конторы по торговымъ и промышленнымъ операціямъ, подробная программа будетъ опубликована своевременно.

Провинціальныя порученія удовлетворяются немедленно.
Корреспонденціи слѣдуетъ снабжать почтовыми марками
для отвѣта.

О ГЛАВЛЕНИЕ
ВТОРОЙ КНИЖКИ МИРСКАГО ВѢСТИНИКА
1880 года.

Отдѣль I. Объясненіе молитви Господней и блаженства Евангельскія. Отдѣль II. Правительственное сообщеніе. Ностановленіе земскихъ собраній. Дѣтская смерть. Разсказъ. *И. Поповъ.* Отдѣль III. Разсказы изъ русской исторіи—Александръ Невскій. (Съ 1 рис.) *M. Киевскію.* Географический очеркъ Европейской Россіи, (Окончаніе). *M. Киевскій.* Тайны моря. (Съ 2-мя рисунками). Среди льдовъ и тундръ (Съ 4 рисами. *B. M.—и—всій.*) Отдѣль IV. Слонъ и моська. Басня Крылова. (Съ 1 рис.) Пьянство до добра не доводить. Отдѣль V. Разныя извѣстія.

Въ этой книжкѣ помѣщены слѣдующіе рисунки: 1) Самоѣдский чумъ. 2) Одинъ рисунокъ къ ст. Александръ Невскій. 3) Двѣнадцать рис. къ ст. Тайны моря. 4) Четыре рис. къ ст. Среди льдовъ. 5) Одинъ къ баепр. „Слонъ и Моська“, а всего девятнадцать рисунковъ.

С о д е р ж а н і е:

1) 19- Февраля, 1880 года въ Вологдѣ,—2) Рѣчь предъ благодарственнымъ Господу Богу молебствіемъ, совершеннымъ Его Преосвященствомъ въ зданіи Вологодской градской Думы 19 Февраля, 1880 года. Спасовсеградской церкви свяц. И. Лебедева.—3) Рѣчь въ день празднованія двадцатипятилѣтней годовщины царствованія Государя Императора Александра Николаевича, Самодержца Всероссійскаго, 19-го Февраля 1880 года. Георгія Можарова.—4) Па 19-е Февраля 1880 года. Ирипарха Попова.—5) Родители и дѣти. (Окончаніе).—6) Объявленія.

Редакторъ **Н. Суворовъ.**

Дозволено цензурою. Февраля 29 дня, 1880 года. Вологда.
Въ типографии Губернскаго Правленія.